

Может, и впрямь помогли отчаянные мольбы уездного судьи, который, не щадя себя, вымаливал пощаду у небес на самой вершине плотины.

А может, наконец пробудился от долгого сна сам Владыка драконов.

Ливень поутих, яростный поток наконец смирил свой нрав, и измученные люди смогли вздохнуть с облегчением.

Вэй Шаньцюэ велел раз в день кормить пленника жидкой рисовой кашей и строго-настрого запретил снимать его с плотины, пока небо полностью не очистится от туч.

Сам судья сначала истошно молил о милости, затем исходил гнилой бранью и проклятиями, а под конец и вовсе затих, обессилив.

Дождь постепенно утихал, пока не превратился в тончайшую, словно шелковые нити, морось, лениво опускавшуюся на землю.

Наблюдая, как тучи неохотно уползают за горизонт, Пэй Чаньин с усмешкой протянул:

— Надо же... Неужто наше импровизированное жертвоприношение и впрямь возымело такую чудодейственную силу?

Великий потоп действительно прекратился. Небо все еще оставалось свинцово-серым, но злоебщий чернильный мрак наконец отступил.

Вэй Шаньцюэ велел помощнику уездного судьи немедленно собрать людей для расчистки ила и восстановления разрушенного. На эти работы наняли местных крестьян, чьи наделы пострадали от наводнения, назначив им честную поденную оплату.

Это позволило людям получить хоть какой-то заработок и не умереть с голоду.

На случай, если с приходом зимы жизнь крестьян станет совсем невыносимой, он распорядился открыть при управе бесплатные кухни для раздачи каши дважды в день. Оставшихся после ликвидации бедствия казенных запасов и зерна вполне хватало, чтобы пострадавшие уездные жители смогли перезимовать в тепле и сытости.

Уладив все неотложные дела, Вэй Шаньцюэ приказал заковать провинившегося уездного судью У в колодки и отдал приказ выступать в столицу.

Помощник уездного судьи низко, с глубочайшим почтением склонился перед главой Восточного цеха:

— Можете быть спокойны, господин. Ваш покорный слуга расшибется в лепешку, но сделает все, чтобы как можно скорее вернуть жизнь уезда в прежнее русло.

Едва они покинули стены управы, как увидели заполонивших улицы местных жителей, которые пришли проводить своих спасителей. В руках у многих были простые гостинцы: корзины с яйцами, свежая зелень, а те, кто побогаче, несли даже шматки мяса.

Выступивший вперед почтенный старец низко поклонился:

— Великий господин, прослышав, что сегодня вы отбываете в столицу, мы собрали эти скромные дары. Умоляем, примите их в знак нашей искренней благодарности.

Вэй Шаньцюэ бережно приподнял старика за локоть, не дав ему склониться слишком низко. Запустив руку в его корзину, он зачерпнул лишь малую горсть сырого риса, аккуратно завернул ее в чистый платок и мягко произнес:

— Вашу признательность я принял всем сердцем. Но остальное, прошу вас, унесите обратно в дома.

Пэй Чанъин, выглянув из-за его широкого плеча, с улыбкой добавил:

— Дорога до столицы долгая, ехать нам много дней. Все эти припасы в пути просто-напросто испортятся. Жалко ведь будет, если такое добро пропадет зря!

И все же, несмотря на уговоры, самые упрямые из горожан то и дело норовили пробиться сквозь охрану, пытаясь хоть тайком забросить свои узелки в повозки.

Кое-как вырвавшись из плотного кольца благодарных уездных жителей, они наконец тронулись в путь. Пэй Чанъин уютно устроился на мягком сиденье и, лениво наблюдая за плывущими мимо пейзажами, негромко напевал под нос веселую мелодию. Настроение у него было просто превосходным.

— Настолько радостно на душе? — не отрывая взгляда от бумаг, спросил Вэй Шаньцюэ.

— Еще бы! — Пэй Чанъин закинул руки за голову, сладко зажмурился. — Вот увидишь, когда-нибудь я вернусь в столицу с великой победой, и встречать меня выйдет куда больше народу, чем тебя сегодня!

Вэй Шаньцюэ лишь покачал головой. Ишь, куда замахнулся. И с чем только вздумал соперничать.

— Господин! — внезапно раздался истошный крик прямо перед повозкой.

Кто-то отчаянно бросился наперерез их экипажу. Кучер со всей силы натянул поводья; лошади испуганно заржали, вздыбившись на дыбы и едва не размозжив копытами голову стоявшему на коленях человеку.

Вэй Шаньцюэ недовольно нахмурился.

— Кто посмел преградить путь?

— Господин! За какие такие грехи вы заперли нашего почтенного главу семейства в позорной клетке и везете на казнь в столицу?!

Дорогу преградило семейство арестованного судьи: его заплаканная супруга с малолетними детьми, а впереди всех — согбенный, трясущийся от старости отец с белой как лунь головой.

Пэй Чанъин озадаченно склонил голову набок и тихо, чтобы слышал только Вэй Шаньцюэ, спросил:

— Странно... Что же они раньше-то не объявлялись? И почему преградили дорогу именно сейчас, когда мы покинули уезд?

В глубине глаз Вэй Шаньцюэ вспыхнул холодный блеск. Их кавалькада как раз въезжала под сень густого леса, и эта чаща... казалась подозрительно, мертвенно тихой. Не слышно было даже птичьего щебета.

Главе Восточного цеха не пришлось произносить ни слова. Уловив едва заметное движение его глаз, агенты Восточного цеха мгновенно подобрались и бесшумно положили ладони на рукояти мечей.

— Ваш сын и муж ни во что не ставил жизни подданных Его Величества, скрыл от императорского двора весть о страшном наводнении и обрек тысячи людей на нищету и гибель. И после этого вы смеете спрашивать, в чем его вина? — ледяным тоном отозвался Вэй Шаньцюэ.

— Разгул стихии — это кара небесная! Разве мой сын властен над тучами и реками?! — старик в гнев с силой стукнул тростью о каменистую дорогу. — Вся Поднебесная шепчется о том, что ваш Восточный цех только и делает, что изводит благородных мужей да творит беззаконие! Попробуй только увести моего сына — и я сам, дряхлый старик, дойду до столицы, прорвусь во дворец и подам на тебя жалобу лично Его Величеству!

— Что ж, воля ваша, — равнодушно отозвался Вэй Шаньцюэ. — Можете отправляться в путь. Мой цех даже выделит вам повозку, чтобы старые кости в дороге меньше трясло.

— Пха-ха-ха! — Пэй Чанъин не сдержался и звонко прыснул со смеху.

— Ты!.. — старик затрясся от ярости, наставив дрожащий перст на юношу. — Наследник великого генерала Пэй Ванли, а ходишь тенью за бесчестным палачом и поддакиваешь ему! Твой отец, генерал Пэй Ванли, перевернулся бы в гробу, узнав, как низко пал его сын!

Веселость с Пэй Чанъина мигом слетела, а лицо Вэй Шаньцюэ потемнело, став холодным и грозным, словно надвигающаяся грозовая туча.

<http://bllate.org/book/20384/2132620>